

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ ОЗНАЧИВАЮЩИХ ПРАКТИК В РАМКАХ ИНТЕГРИРОВАННОГО ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

О.С. Зубкова

*Доктор филологических наук,
Профессор кафедры профессиональной коммуникации и иностранных языков
e-mail: olgaz4@rambler.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматривается специфика объективации означающих практик в интегрированном лингвосомиотическом пространстве на примере языковых единиц с высоким индексом образности. Впервые вводится понятие дискурсивной языковой практики.

***Ключевые слова:** профессиональная метафора, каламбур, культурная означающая практика, индивидуальная означающая практика, профессиональная означающая практика, дискурсивная означающая практика, идентифицирующая референция.*

Смена акцентов лингвистических исследований в современной научной парадигме привела к тому, что для лингвиста-теоретика рассмотрение и описание языковых единиц с высоким индексом образности с учетом результатов лишь интроспективных практик анализа представляется недостаточным. Так, например, профессиональная метафора, каламбур, метонимия, дисфемизм, гипербола, олицетворение являются чрезвычайно сложными и многогранными феноменами, объективное изучение которых предполагает комплексный учет лингвистических, когнитивных и семиотических механизмов, социокультурных характеристик условий и участников коммуникации, являющихся неотъемлемой частью процесса коммуникативной интеракции, в том числе вербальных и невербальных средств достижения целей коммуникации.

По мнению Ю. Кристевой, «необходимо исследовать то, что ускользает от жестких законов системы и выпадает из общепринятой лингвистической модели семиотического континуума» [Kristeva 1978: 29]. Этот вывод автора навел нас на размышления об исследовании означающей практики, относительно свободной от лингвистического кода (ибо полная автономия, по нашему мнению, невозможна), реализующей психические и психологические особенности говорящего человека, ускользающие от доминирующей системы языковой символизации. При этом мы предположили наличие не одной, а нескольких означающих практик, манифестирующихся в рамках естественного и искусственного семиозисов: индивидуальной, культурной и профессиональной (см. подр.: [Зубкова 2011 а, б]). Вместе с тем, поскольку языковые феномены с высоким индексом образности принадлежат языковому континууму, то они подлежат рассмотрению с позиции языковой системы как одной из означающих практик. Для нас необходимым представляется изучение каждой означающей системы как практики, включая языковую, профессиональную и индивидуальную, поскольку любая из них, по нашему мнению, способствует выявлению логики означивания языковых единиц и раскрытию их семиотической материальности.

Исходя из основных постулатов нашей лингвосомиотической теории, бесконечность процесса означивания может частично лимитироваться означающими

практиками, регламентирующими знаковую активность в коммуникации и ограничивающими процессуальную природу знака в его переходе от интерпретанты к интерпретанте, от репрезентанта к репрезентанту и от формы к форме. Означивающие практики устанавливают правила и порядок действий со знаками в коммуникативных процессах, что предполагает необратимый распад и переструктурирование бесконечного семиотического потока, возникновение отдельных флуктуаций, трактуемых в качестве профессиональных метафор, метафорических эпитетов, каламбуров, ономастопей, перифраз и др. Проиллюстрируем этот постулат примерами из проведенных нами ранее серий экспериментов (см.подр.: [Зубкова 2011 а, б]) (пояснения здесь и далее наши. – О.З.): метафорический эпитет («*le microbe adulte*» – взрослый микроб), олицетворение как антропоморфная метафора (*другие отделы живота спокойно спали*), каламбур («*Умею вязать узлы, шить (на операциях давали кожу, мышцы)*», *много раз ассистировал на общехирургических операциях. А «сантехником» «трубы чинить» – я не хочу!*) (акушер-гинеколог); «*больные в вагоне*» – агональные (умирающие) больные), перифразы («*rear admiral*» – тыловой адмирал, т.е. проктолог; «*голова профессора Доуэля*» – больной с тетраплегией (паралич верхних и нижних конечностей), ономастопея («*челюскинцы*» – пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии; «*мамонтята, валежники, земляки*» – пациенты, подобранные на улице в алкогольном опьянении с переохлаждением), гипербола («*intervence infectionnique*» – инфекционная интервенция), дисфемизм («*Да что ты мне про истерическую маску все время толкуешь! У него классический пример – страх болезней и микробов. К тому же он очень агрессивен. Однако про депрессию или шизофрению говорить пока не приходится. А жалобы жены на их совместную жизнь я считаю несостоятельными. Подумаешь, тетя опомнилась и вдруг решила, что тридцать лет назад неправильно себе мужа выбрала! Так это её проблемы. «Любовь зла, так что люби своего мужа», только не под нашим присмотром! Мы не вмешиваемся в семейные дразги, мы просто должны квалифицированно помочь человеку*»).

На этом фоне значительный интерес вызывает последовательность механизмов осмысления семиотической реальности и их манифестация посредством знаков в предлагаемых нами индивидуальной, культурной и профессиональной означивающих практиках. Наибольшую плодотворность подобного аналитического анализа может обеспечить, на наш взгляд, осуществление детальных интерпретаций на примере профессиональной метафоры как наиболее крупном языковом знаке с высоким индексом образности. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, по нашему мнению, метафоризация является основным универсальным механизмом образования значений единиц с высоким индексом образности в лингвистическом поле.

Прежде всего, заметим, что профессиональные метафоры, функционирующие в конкретном профессиональном континууме, эксплуатируют смыслы, созданные на основе динамических интерпретант в индивидуальной означивающей практике. На основании динамической интерпретанты выстраивается структура значения профессиональной метафоры, при этом именно интерпретанта, являясь результатом идентифицирующей референции, определяет «угол зрения», высвечивающий в индивидуальной означивающей практике базу для конструирования. При этом выявление скрытых отличительных характеристик предмета или явления, хорошо знакомых человеческому сознанию, дает возможность их переноса в профессиональную область. Например: «*old-timer's disease*» (болезнь сторожила) – болезнь Альцгеймера; «*dowager's hump*» (горб вдовы) – остеопороз.

В рамках идентифицирующей референции, частью которой является индивидуальная означивающая практика, осуществляется «адресная метафорическая номинация», включающая классификацию предметов/объектов окружающей

действительности, которую, вероятно, можно обозначить как процесс категориальной классификации. В этом случае стратегия «поисков» значения психологически несколько иная: испытуемый, пытаясь найти смысл, наиболее удовлетворяющий его пониманию, гипотетически обозначает словом некоторую комбинацию признаков, вырабатывая, таким образом, новую абстрактную категорию, основанную на первичной интерпретанте и обозначаемую профессиональной метафорой. При этом означивание последней происходит в процессе познавательной деятельности, обеспечиваемой абдукцией. Согласно измерениям семиозиса, осуществляется определенная расстановка акцентов в индивидуальной означивающей практике, что является следствием корреляции «заданной профессиональной формы» объекта/явления и результатом процесса категориальной классификации. Вместе с тем образующийся феномен выражает семантическую двойственность, характерную для метафоры, что манифестируется благодаря двуплановости устанавливаемой связи между двумя различными категориями объектов (с «выделением» метафорического референта и коррелята).

Подчеркнем, что языковая форма фиксирует результат сравнения, резюмирует проведенные мыслительные процессы анализа и синтеза признаков предметов. Говорящий создает динамическую интерпретанту, максимально наполняя ее собственным семантическим содержанием, которая проявляется в законченной форме в рамках коммуникативного акта в виде финальной логической интерпретанты. Вместе с тем сама профессиональная метафора органично встраивается в профессиональный дискурс и предстаёт как некоторая эмпирическая форма, посредством которой субъект-в-процессе обнаруживает свою личность. Например:

– Коллега, простите, но я не согласен. Прежде всего, нереализованная агрессия может со временем привести к депрессивному состоянию. Напомню, импульсивные тенденции провоцируют деструктивные психические действия, неприемлющие, обесценивающие любое мнение отличное от своего; а агрессивные и аутоагрессивные (типы личности. – О.З.), предрасположены к разрушительным заболеваниям. Здесь возможны трудные отношения с родителями или тяжелые родовые события. Поэтому говорить о шизотипическом расстройстве, по-моему, нельзя. Тут же явный напряженный аффект! Я знаю о чем говорю. Насмотрелся в стационаре. Да и ваше понимание маскированной депрессии, мягко говоря, отличается от описанного в классических учебниках.

Таким образом, на индивидуальную означивающую практику оказывают влияние особенности деятельности индивида по созданию и перестройке знаковой формы объекта (как основы интерпретационного выбора) из материала, получаемого от внешних воздействий или производимого самим Говорящим, динамические процессы семиозиса в культурном континууме и языковая практика конкретного лингвокультурного сообщества. Результатом идентифицирующей референции в рамках индивидуальной означивающей практики является формирование динамической интерпретанты Говорящим/Наблюдателем как некой иллюзии понятности значения, на основе которой затем конструируется коммуникативное взаимодействие.

Выделяя культурную означивающую практику, мы руководствовались выводом известного французского антрополога Л. Леви-Брюля [Lévy-Bruhl 1951] о том, что для исследования мышления индивида следует анализировать культуру, к которой он принадлежит. Проявление специфической intersubjectной детерминации в процессе означивания, обусловленной культурными рамками, может изменить направленность этих процессов в профессиональном поле, а с учетом манифестации антропного фактора трансформировать сценарий развития культуры. Заметим, что культура для нас – это среда обитания человека.

Обратившись к изучению профессиональной метафоры, мы рассматриваем её как единицу живого знания, включающую в себя профессиональные и культурологические знания, языковые, коррелирующие с наивными в рамках индивидуального лексикона носителя языка.

Метафорический образ отражает бессознательное мировосприятие социума или отдельной социальной группы, формирующееся под влиянием национальных традиций и «духа времени» [Будаев, Чудинов 2008: 17]. Следовательно, можно предположить, что профессиональные метафоры служат для обозначения объектов и явлений профессиональной деятельности, сущность которых не может быть раскрыта до конца, поскольку при идентифицирующей референции профессиональных метафор субъект-в-процессе опирается на социум и культуру, на результаты индивидуальной означающей практики, актуализирующей признаки и признаки признаков предметов/явлений окружающей действительности. Например: *«Когда я учился в мед. институте, у нас это называлось «Болезнь третьего курса». Мы находили у себя симптомы разных болезней, даже патологии! Потом это, слава Богу, прошло... Смешнее всего было на пятом, когда у нас пошла психиатрия, тогда можно было друг на друга катамнезы составлять. Я думаю в легкой степени это не страшно, а то, как правило, к нам в больницу поступают пациенты с запущенными формами своих болячек».*

Поскольку профессиональная метафора представляет собой продукт семиозиса, то она вступает в контакт с профессиональным пространством, провоцируя семиотизацию и переструктурирование последнего, расширяя его границы. Ареал культурного знания Говорящего/Наблюдателя перетекает во внекультурное, профессиональное пространство, обеспечивая взаимодействие культурных знаков с профессиональными, и, создавая, таким образом, новое означаемое, закрепленное в форме, например, профессиональной метафоры. Например: *«<...>Не забудьте про нарушения всех видов деятельности, в том числе и инстинктивной. Да, ну и, конечно, лицо сфинкса: малоподвижное, одутловатое с полуоткрытым ртом, при отсутствии складок на лбу, глаза не полностью закрываются... Прогрессирующая миопатия».*

В искусственном семиозисе происходит знаковое аккумулятивное продуцирование социальных отношений, что приводит к апеллированию к мифологическому мышлению, к культурному бессознательному (термин К.Г. Юнга), ретроспективно манифестирующемуся в профессиональном семиотическом континууме. Архетип «овеществляет» ощущения человека в символической и мифологической форме, представляя основу для формирования динамической интерпретанты и дальнейших её экспликаций. Однако Говорящий, пытаясь конкретизировать объект/явление в рамках своей профессиональной медицинской деятельности, подвергает его сознательной обработке, соединяя архетип с конкретными следами своих ощущений и выражая это соединение в языковой форме. Например: *«Уважаемый коллега! Могу сообщить Вам, что неоднократно имела удовольствие сталкиваться с такой клинической картиной, причем, как правило, там имел место гангренозный аппендицит, либо эмпиема червеобразного отростка. Считаю (надеюсь, Вы уважаете мнение женщины), что отсутствие общих признаков интоксикации вызвано ограничением деструктивного процесса либо сальником, либо висцеральной брюшиной отростка. А вообще, смею заметить, клиника аппендицита за последние годы разительно отличается от классической. Первоначально – острые боли где угодно, кроме брюшной полости. Но это «немецкая ссора» «querelle d'Allemand»»* (В данном случае мы считаем необходимым сначала дать некоторые пояснения по поводу этого устойчивого выражения, характерного для французской лингвокультуры, а затем продолжить изложение. «Немецкая ссора» – это ссора между «немцами и Немцем», т.е. не имеющая

никаких оснований и ничего не означающая по своей сути, но приводящая к катастрофическим последствиям. В конце XIII – начале XIV вв. горный район между Драком и Изерией принадлежал знатному господину по фамилии Немец. Его владения простирались до самых Альп. Вокруг этих территорий располагались менее обширные землевладения других феодалов, завидовавших Немцу. Поддерживать мир и спокойствие знатному вельможе помогали его связи при дворе и высочайшая обязанность управлять и вершить правосудие от имени короля. Пользуясь этими привилегиями, Немец сочетал брачными узами всех состоятельных молодых людей, представителей других феодальных фамилий с дочерьми соседских землевладельцев и своих близких родственников, выдав замуж таким образом и своих собственных. В результате таких действий землевладения Немца увеличивались. Однако один из членов его многочисленной семьи, опасаясь за собственные земли и желая приумножить личный капитал за счет Немца, собрал семейный совет, на котором обнаружил личные претензии на земли старшего кузена, мотивируя отсутствием прямых семейных уз (жены) с его семьей. Не получив достаточной поддержки, он распродал в спешном порядке свои землевладения и крестьян и стал собирать маленькие военные отряды из подкупленных членов семьи Немца и бандитов, проживающих в лесах, настроив их против кузена. В результате этой ссоры начались достаточно масштабные и затяжные военные действия на территории, далеко выходящей за владения Немца и простирающейся до самого Гренобля и Вальбонне). *Затем усиление болевого синдрома в эпигастрии <...> При осмотре я заметила усиление болей только в эпигастриальной области, другие отделы живота спокойно спали, симптомов раздражения брюшины не было. А вот в анализах крови – лейкоцитоз до 9.5 без сдвига формулы, умеренное повышение амилазы крови, моча б/о. Тут-то и начались «немецкие» боевые действия! <...> Как результат – после перфорации инфильтрированной брюшины вышло очень много гноя. «Немец не погиб, но королевство пошатнулось». Разделали тогда почти всю брюшину... Испереживалась тогда на целую пачку сигарет и 300 евро. А Вам желаю удачи в борьбе с этим недугом!».*

Важно учитывать, что проникновение в профессиональный дискурс наивной лексики привело к тому, что сочетания слов, появившиеся в речи специалистов определенной профессиональной сферы, подвергаются переосмыслению в рамках сначала культурной означающей практики Говорящего/Наблюдателя, затем конкретного профессионального сообщества и переходят в разряд профессионализмов. Этот пласт лексики не располагает общепризнанными официальными дефинициями, закрепленными в словарях и других академических изданиях, однако он обслуживает сферу институциональной деятельности специалиста наряду с терминами. Например: «*blue pipe*» (голубая трубка) – вена и «*red pipe*» (красная трубка) – артерия активно употребляются хирургами наряду с *artery* и *vein*.

Трудно не признать тот факт, что кинематика культурного семиотического континуума способствует компиляции предметного пространства и практической деятельности субъекта-в-процессе, формируя в контексте обработанных ментальных репрезентаций эмпирическую базу означающих стереотипов. Вполне закономерно и то, что подобные эталоны формируются благодаря их частотной воспроизводимости в означающей деятельности, провоцируемой продолжительностью контактирования индивида с объектами/явлениями окружающего мира. Лонгитюдный характер подобных контактов приводит к стереотипизации данных объектов/явлений и закрепляется в виде эталона в означающей практике, манифестируемого в профессиональной коммуникации.

Таким образом, комплексный характер означивания при исследовании профессиональной метафоры обосновывается интеграцией индивидуальной и культурной означивающей практики, в которой преобладают по большей части языковые и культурные стереотипы, являющиеся следствием реализации идеи единства мира, и проблемно ориентированных форм деятельности индивида.

В отличие от индивидуальной и культурной означивающих практик, для профессиональной в устной профессиональной коммуникации характерно, прежде всего, формирование финальной логической интерпретанты в процессе текстуального означивания.

Осваивая окружающую реальность, индивид не только номинирует наполняющие её предметы/явления, но и включает их в личную сферу, наделяя смыслом. Таким образом, названия объектов/явлений превращаются в образы, символы и знаки, манифестирующиеся в профессиональной деятельности, обыденной, в разных видах знания посредством трех видов интерпретант. Формирование финальной логической интерпретанты в профессиональной означивающей практике, органично воплощающей в себе связь профессионального знания, профессиональной деятельности и обыденного, индивидуального знания, обеспечивает закрепление в профессиональной метафоре результатов не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика, профессиональная деятельность. Например: «*Dr. Feelgood*» (доктор Чувствуй себя хорошо) – доктор, который выписывает лекарства не задумываясь; «*blade*» (лезвие) – невозмутимый хирург, «*очкарик*» – офтальмолог, «*le cycliste panique*» (панический велосипедист) – пациент травматологического отделения.

Профессиональная практика устанавливает правила и порядок действий со знаками в коммуникативных процессах, что предполагает необратимый распад и переструктурирование бесконечного семиотического потока и возникновение отдельных флуктуаций, трактуемых в качестве профессиональных понятий и терминов. Например: «*syndrome de Raynaud sévère*» (синдром рассерженного Рейно), «*тело делать*» (препарировать труп), «*патам*» (патологоанатом).

Профессиональные метафоры могут быть адекватно идентифицированы и интерпретированы лишь в профессиональном семиотическом континууме, от которого они непосредственно зависят; при этом степень метафоричности той или иной разновидности профессионального дискурса может быть различной. В процессе дешифровки знака метафоры в профессиональной деятельности человек приближается к пониманию объективной реальности. Исследуемый феномен выступает не только знаком цельности восприятия профессионально значимого объекта, но и знаком пластичности этого восприятия: метафорическая номинация оставляет мыслительный зазор для уточнения содержания профессионального знания, манифестирующегося посредством языкового феномена. При этом объект приобретает функцию, которую ему приписывают. Например: «*Потенциальная яма (физ.) – совокупность элементарных частиц, не обладающих достаточной энергией для преодоления квантово-физического препятствия*» [Англо-русский словарь математических терминов 2001: 209].

Рассмотрение специфики объективации трех вышеуказанных означивающих практик привело нас к вопросу об особом статусе дискурсивного пространства, в рамках которого всегда присутствуют едва заметные отношения причинности и детерминированности между означивающими практиками, лексемами, событиями. В дискурсивном поле использование языка является контекстуально связанным или окказиональным, что приводит к особому, тематическому кодированию и новой артикуляции дискурсивных элементов. Это позволило нам выделить четвертый тип

означивающей практики, функционирующий в лингвосемиотическом пространстве, – **дискурсивную означивающую практику**. По нашему мнению, дискурсивная означивающая практика не только представляет уже существующие дискурсивные структуры, но и «оспаривает» последние за счет использования «нетипичных» лексем (метафор, каламбура, метонимии, синекдохи и т.д.). Вместе с тем, создание значения ограничивается диапазоном дискурсивных ресурсов, доступных индивиду на основании его когнитивного перцептивно-аффективного опыта. Весьма показательным является пример юморески «Несуразные вещи», представляющей собой омографо-омонимический каламбур: – *Здравствуй! – Привет! – Что это ты несёшь? – Несу разные вещи. – Несуразные? Почему это они несуразные – то? – Сам ты несуразный, как я погляжу. Разные вещи я несу! Разные! Понял? Вот несу мел ... – Что не сумел? – Отстань! – Да ведь ты сам сказал «не сумел». Что не сумел–то? – Мел несу!!! Слушать надо! Ему же надо будет. – Так если ему жена добудет, зачем же ты тогда несёшь? – Это у кого жена?! Это у Мишки-то жена? Ах ты шутник! Я сказал: «Ему же надо будет». Понадобится, значит. – А–а–а ... – А ещё у меня новость есть для Мишки приятная: нашлась та марка, которую он давно ищет. – Тamarca? – Ага! – Ну и как – симпатичная? – Красивая – зелёная такая. – То есть как зелёная? – Зелёного цвета. – Постой, постой! Это что же у неё – волосы, что ли зелёные? – У кого волосы? – Да у Тamarca! – Что?! – Но ведь ты сам сказал: «нашлась Тamarca». – Та!!! Марка!!! Марка, понимаешь?! Та самая, которую Мишка давно ищет. Там арка нарисована. – Ага, значит, всё-таки Тamarca! На марке, значит, Тamarca нарисована. Так бы сразу и сказал. – Да отвяжись ты со своей Тamarca! Там арка нарисована! Арка!!! Вижу, ты так ничего и не понял. Ладно, прощай, некогда мне. – Пока! Смотри, не растеряй свои несуразные вещи. – А ну тебя! – Да стой, стой! – Ну что ещё? – Привет передавай! – Кому? – Тamarca, Мишке и Мишкиной жене! Очевидно, что дискурсивная означивающая практика явилась фоном для конкретного коммуникативного события и выражения субъектных позиций, представляя новый репертуар интерпретации.*

Таким образом, опираясь на основные постулаты нашей лингвосемиотической теории, мы можем видеть, что означивающие практики в определенной степени влияют на выбор и употребление языковых единиц, структурируют и ограничивают общение в контексте взаимодействия, а также влияют на формирование и применение субъектных позиций. Следовательно, ратификация означивающих практик при анализе лингвосемиотики языковых единиц с высоким индексом образности, является одним из основных критериев валидности эмпирического исследования. Кроме того, анализ типов вербальных взаимодействий и письменных текстов приводят к выделению дискурсивной означивающей практики, в рамках которой манифестируется особый репертуар интерпретаций, воспринимающийся индивидом как «истинный» или «ложный» в интегрированном лингвосемиотическом пространстве.

Библиографический список

- Англо-русский словарь математических терминов / под ред. П.А. Александрова. – Изд. третье, стереотип. – М.: Мир, 2001. – 416 с.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология: монография. – Екатеринбург, 2008. – 260 с.
- Зубкова О.С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры: дис. ... д-ра филол. наук. – Курск: Изд-во КГУ, 2011а. – 460 с.
- Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике: монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2011б. – 334 с.

Kristeva J. *Séméiotikè*: recherches pour une sémanalyse. – Paris: Ed. du Seuil, Coll. «Telquel», 1978. – 379 p.

Lévy-Bruhl L. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures. – Paris: Les Presses universitaires de France, 9e édition, 1951. – 474 p.